В целом женевские договоренности, заложив основы для позитивного решения афганской проблемы, безусловно, могли бы открыть путь к установлению подлинного мира на афганской земле и обеспечить безопасность и стабильность в регионе, если бы не маниакальная непримиримость «борцов за веру» к кабульскому левому режиму и западная политика двойных стандартов и, главное, циничное пренебрежение США к нормам международного права и его основному постулату – международные договоры и соглашения должны соблюдаться и выполняться (об этом будет сказано далее). Американская администрация идет, как это показывает исторический опыт, на любые нарушения норм правового и морально-этического характера ради достижения стратегических целей США. Эти цели, по словам одного из специалистов Института мира в Вашингтоне, сводились на средневосточном и центральноазиатском направлениях к следующему: ликвидировать режим Наджибуллы в Кабуле, превратить Афганистан в плацдарм (базу) для борьбы с Ираном и для последующего проникновения в советскую Среднюю Азию [42].

Что касается афганской вооруженной оппозиции, то она категорически отвергла все женевские договоренности и не считала себя никоим образом связанной ими в своих действиях. Она жаждала только военной победы и установления в Афганистане единоличной власти исламских фундаменталистов.

Афганская проблема после Женевы

Вывод советских войск из Афганистана внешне напоминал скорее организованное бегство по принципу «Пропади все пропадом. Мы уходим, а там, после нас хоть трава не расти!», чем уход с достоинством и честью армии, выполнившей свой воинский долг и искренне обеспокоенной за судьбу остающихся наедине с врагом своих друзей. Автору этих строк, работавшему в те годы и месяцы в Афганистане, не раз приходилось слышать из уст высокопоставленных государственных и политических деятелей и простых людей страны недоуменные (точнее – риторические) вопросы о том, чем вызвана такая поспешность с организацией ухода и что стоит за подобного рода «стратегией». А творилось что-то невообразимое. Еще до 15 мая 1988 г. многие советские воинские части, дислоцированные вдоль афгано-пакистанской границы, были спешно выведены к кольцевой дороге Пули-Хумри-Саланг-Кабул-Кандагар-Герат, чтобы прикрыть главную автомобильную магистраль. Возможно, с точки зрения стратегии надежного прикрытия автомагистрали, по которой должны были выводиться войска, это было совершенно оправданной мерой. Но в то же время о каком создании «запаса прочности» для левого кабульского режима можно было говорить, если по прямой вине московских стратегов неприкрытой оказалась огромная территория к югу от указанной кольцевой дороги?! В результате моджахеды, следуя буквально по пятам советских войск, за считанные дни смяли хрупкие афганские пограничные заставы и армейские гарнизоны, проправительственные ополченческие формирования и отряды самообороны вместе с местными органами власти и вышли на ближайшие подступы к афганской столице. С мая 1988 г. практически нормой стали их ежедневные ракетные и артиллерийские обстрелы Кабула.

По западным данным, только с марта по май 1988 г. в руки моджахедов почти без боя перешли 11 уездных центров (для сравнения: в рассматриваемой зоне в то время имелось до 70 уездов) [43]. К «борцам за веру» примкнули тысячи солдат правительственных войск и бойцов различных проправительственных иррегулярных формирований. Афганские военные в районах, которые покидались советскими войсками, не имея возможности сдержать натиск врага, а также и из-за неверия в свои собственные силы, вынуждены были оставлять свои позиции и при отходе уничтожать боевую технику и военное имущество, чтобы они не достались противнику. Небезынтересная деталь: советское военное командование в Афганистане пыталось подать все это как злой умысел афганской стороны и, более того, возложить вину за происходившее на президента Наджибуллу. Приведу в качестве примера один фрагмент из доклада в августе 1988 г. руководителя Оперативной группы Министерства обороны в Афганистане генерала армии В.И.

Варенникова министру обороны СССР генералу армии Д.Т. Язову: «Афганским военным (МО, МВД и МГБ), – писал он, – с ведома Наджибуллы ничего не стоит, например, при передислокации частей из одного пункта в другой и в ходе выполнения боевых задач уничтожать в прежних районах дислокации большое количество техники, боеприпасов, горючего и других материальных ценностей» [44].

Как обнаружилось уже с начала вывода советских войск, Пакистан и США, подписав женевские соглашения и поддержав на словах политическое урегулирование афганской проблемы, на деле не помышляли выполнять ни одно из взятых на себя обязательств. При их участии и покровительстве с еще большими интенсивностью и размахом продолжались военная интервенция и подрывные действия против Республики Афганистана, в том числе и с использованием пакистанских военных специалистов и регулярных войск, не прекращалось предоставление территории Пакистана для присутствия, укрытия в лагерях и на базах, обучения, финансирования, снабжения и вооружения отрядов афганских моджахедов, а также ведения враждебной Кабулу клеветнической информационно–пропагандистской кампании. Непрерывным потоком из Пакистана в Афганистан шли сотни караванов с оружием и боеприпасами. Только за первую половину мая 1988 г. в страну с пакистанской территории проникли 15 групп мятежников общей численностью 1,8 тысяч человек [45]. Одновременно при содействии Вашингтона и арабских режимов региона наращивался контингент наемников, в том числе и по линии «Аль-Каиды», для борьбы против кабульского режима [46].

В этих условиях Советский Союз в сентябре 1988 г. предупредил США, что не может допустить, чтобы женевские документы превращались в пустую бумажку. Исходя из этого, советская сторона предложила провести встречу в Нью-Йорке четырех министров иностранных дел – США, СССР, Пакистана и Афганистана – с участием представителя генерального секретаря ООН или его самого для обсуждения ситуации, сложившейся вокруг Афганистана. К сожалению, данный призыв остался гласом вопиющего в пустыне. В такой обстановке оказалась бессильной выполнить в полном объеме свои функции также и Миссия добрых услуг ООН в Афганистане и Пакистане (ЮНГОМАП), направленная сюда генсеком ООН весной 1988 г.

В ходе вывода советских войск пакистанские спецслужбы (Управление межведомственной разведки – «Интерсервисиз интеллидженс директорит») вместе с аналогичными структурами США, Саудовской Аравии и ряда других стран региона развернули усиленную подготовку афганской вооруженной оппозиции к битве за Кабул. Следует заметить, что после гибели в августе 1988 г. в авиакатастрофе президента Зия-уль-Хака, который называл женевские соглашения «фиговым листком», среди определенной части правящих кругов Пакистана возникли сомнения относительно правильности курса на военное решение афганской проблемы и приведение к власти в Кабуле исламских фундаменталистов. 19 сентября 1988 г. Якуб-хан (с июня этого года он снова занял кресло министра иностранных дел Пакистана) выступил на заседании Чрезвычайного совета с предложением решать афганский вопрос по дипломатическим каналам и под контролем его внешнеполитического ведомства. Хотя это предложение и было отвергнуто в принципе, однако было решено проводить в жизнь двухступенчатую политику: Управлению межведомственной разведки поручалось заниматься военным аспектом афганской проблемы, а МИДу страны – изучением возможности мирной передачи власти в Афганистане. Позиция Якуб-хана еще больше усилилась с приходом к власти в декабре 1988 г. премьера Беназир Бхутто. Она, опасаясь, что зияульхаковская идея создания «великого Пакистана» может спровоцировать пуштунов по обе стороны границы к движению за создание «великого Афганистана» и тем самым поставить под вопрос территориальную целостность страны, рассматривала мирное, политическое урегулирование афганской проблемы как наиболее отвечающее долгосрочным интересам Пакистана [47].

Якуб-хан, приобретший огромный опыт в поисках компромиссов в ходе многолетнего женевского переговорного процесса, хорошо знавший специфику афганского конфликта и, вообще, как дальновидный политик, исходил из того, что конструктивное по-

литическое урегулирование афганского вопроса, включая и вопроса о власти в стране, возможно лишь при широком участии всех вовлеченных в него сторон: вооруженной антиправительственной оппозиции (как умеренного, так и фундаменталистского толков), пуштунских и других этнонациональных лидеров, представителей беженцев, известных эмигрантских деятелей, включая экс-короля Захир-шаха и его окружение, религиозных (суннитских и шиитских) авторитетов и населения страны. Якуб-хан не исключал также и участие в решении судьбы Афганистана и лиц, близких к левому кабульскому режиму. Другими словами, позиция главы пакистанского внешнеполитического ведомства во многом совпадала с планом ООН по афганскому урегулированию.

При всей остроте борьбы и несовместимости приведенных двух линий в высшем пакистанском руководстве по проблеме Афгансистана верховенство все же оставалось за военщиной и спецслужбами. На их стороне были не только сила армии и ее фактически признанная, традиционная роль активно вмешиваться в политическую жизнь Пакистана, но и всеобъемлющая поддержка и помощь со стороны Запада (прежде всего США) и консервативных исламских режимов региона.

Как уже отмечалось, администрация США в рассматриваемый период продолжала проводить в жизнь жесткий курс в отношении Кабула. Уверовав в то, что после вывода советских войск кабульский «коммунистический» режим не продержится и нескольких месяцев, а, может быть, и недель, Вашингтон, наряду с расширением военных постановок силам афганского сопротивления (кстати, женевские соглашения, к сожалению, не содержали положения о прямом запрете военной помощи противоборствующим сторонам), вплотную занялся поисками угодного себе деятеля на власть в «посткоммунистическом» Афганистане. К этому времени американцев совершенно не стал устраивать бывший у них долгое время до этого в фаворе лидер Исламской партии Афганистана, фундаменталист-ортодокс, пуштун по национальности Гульбеддин Хекматьяр из-за его участившихся, резких антиамериканских высказываний. В связи с этим США переориентировались с широкой поддержки Г. Хекматьяра на «умеренного» фундаменталиста, главу Исламского общества Афганистана, таджика Бурхануддина Раббани, видя в нем наиболее приемлемого кандидата на пост главы будущего кабульского режима [48]. Таким образом, США в вопросе о власти в будущем Афганистане продолжали неизменно ставить на экстремистское, фундаменталистское крыло антиправительственной оппозиции и меньше всего обращали внимание на ее умеренную, традиционалистскую часть.

Что касается Б. Раббани, то он хорошо понимал, что для занятия достойного места под солнцем в Афганистане, где испокон веков на политическом олимпе находились и правили пуштуны, ему, таджику по национальности, была далеко не достаточной поддержка только США, Пакистана и консервативных исламских режимов региона. Ему крайне важно было обеспечить себе еще и поддержку если не большинства населения страны, то хотя бы ее национальных меньшинств. Чтобы добиться этого, для него не было другого пути, кроме как первым захватить Кабул и тем самым продемонстрировать военную силу и мощь своей организации. В рамках данного замысла Б. Раббани в октябре 1988 г. в сопровождении шести пакистанских генералов пробрался на джипах и мулах в долину Панджшера. Здесь при их непосредственном участии был разработан план создания регулярных вооруженных сил для штурма афганской столицы под руководством Ахмад Шаха Масуда [49]. Чуть позже между Управлением межведомственной разведки Пакистана и руководством «альянса семи» была достигнута договоренность о направлении до восьми тысяч афганцев в пакистанские военные учебные центры для подготовки из их числа костяка «регулярной армии» сил джихада. Подготовка военных специалистов для такой «армии», включая летчиков, велась также и в США [50].

Уверовав в свои силы и безнаказанность, Пакистан взял на себя роль главного агрессора в афганской войне. 5 марта 1989 г. пакистанское высшее гражданское и военное руководство провело совещание с участием американского посла в Пакистане Р.Оукли и приняло решение о проведении операции по захвату Джалалабада, важного стратегического и хозяйственного центра к востоку от Кабула, с далеко идущей целью: обеспечить

плацдарм для последующего наступления на Кабул и создать условия для провозглашения правительства сил сопротивления непосредственно на территории Афганистана [51]. Весьма показательно, что пакистанские власти на сей раз даже не сочи нужным пригласить на совещание кого-либо из лидеров «альянса семи». Однако, вопреки ожиданиям, более чем двухмесячный штурм Джалалабада, в котором, кроме отрядов моджахедов, принимали участие тысячи пакистанских военнослужащих и малишей (ополченцев) и иностранных наемников, провалился. Не успокоившись на этом, пакистанская военщина перенесла свое внимание на создание горячих точек в других районах Афганистана, в частности в Кандагаре и Хосте [52].

Столкнувшись с актами прямой агрессии Пакистана против Республики Афганистан и невиданной ранее активизацией деятельности вооруженной оппозиции, режим Наджибуллы не прекратил поиск путей и средств для мирного разрешения афганского кризиса. На дипломатическом поприще Кабул совместно с Москвой выступил в 1989 году с новым предложением о созыве международной конференции по Афганистану, а также и региональной конференции с участием стран–соседей Афганистана. В международной конференции предусматривалось участие таких стран, как Пакистан, Иран, Китай, Индия, Советский Союз, США, а также представителя ООН и представителей афганских сил, завязанных в конфликте. Кроме того, кабульское руководство продолжало тесно сотрудничать с генеральным секретарем ООН, который в соответствии с резолюцией 43–й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ноябрь 1988 г.) получил мандат на личное участие и содействие процессу афганского урегулирования.

Во внутренней политике режим Наджибуллы, отказавшись от монополии НДПА на власть, продолжал курс на укрепление и расширение коалиционных основ власти и управления в стране. Вслед за правительством беспартийного М.Х. Шарка (с 26 мая 1988 г. по 20 февраля 1989 г.) в апреле 1990 г. к власти был приведен кабинет другого беспартийного Ф.Х. Халекьяра. В составе его правительства из 28 министерских портфелей только 6 (т.е. 21,4%) принадлежали членам НДПА (с июня – Партия Отечества). Ряд высших государственных постов был предложен вооруженной оппозиции. Однако последняя, делая расчет исключительно на военную победу, решительно отвергла это предложение. В феврале 1989 г. в связи с осложнением военно-политической обстановки указом президента Наджибуллы, в соответствии с его конституционными полномочиями, в стране было введено чрезвычайное положение.

Не встретив поддержки со стороны США и стран региона относительно созыва указанных выше международной и региональной конференций и не получив от них ответа на свои многочисленные предложения, обращения, заявления и ноты протеста, режим Наждибуллы выступил во второй половине 1989 г. с новым планом по афганскому урегулированию, который включал следующие основные предложения: начать переговоры между правительством РА и всеми организациями, группировками, кругами и афганскими лицами, заинтересованными в прекращении кровопролития и восстановлении мира; провести всеафганскую мирную конференцию с целью создания руководящего совета, отражающего взгляды различных политических группировок, и объявления решения о прекращении огня на 6 месяцев; создать коалиционное правительство на широкой основе, сформировать комиссию по разработке новой конституции и подготовить закон о выборах в парламент; созвать Лоя джиргу для утверждения новой конституции и закона о выборах; провести всеобщие выборы под наблюдением ООН; провести международную конференцию с целью выработки договоренностей о прекращении поставок всех типов оружия воюющим сторонам. Президент Наджибулла на заседании всеафганской Лоя джирги, состоявшейся в Кабуле 28–29 мая 1990г., предложил, кроме того, провести референдум под наблюдением ООН как на территории, контролируемой правительством, так и в районах, находящихся под влиянием оппозиции, и в лагерях беженцев по вопросу о прекращении огня или приостановке боевых действий [53]. В конце 1990 г. афганское правительство в развитие своего плана по афганскому урегулированию выдвинуло ряд дополнительных предложений, а именно: поставить под контроль

ООН афганские границы; осуществить демилитаризацию страны; накануне проведения общенациональных выборов под международным контролем распустить существующие в Афганистане государственные структуры (президент, правительство, парламент) и создать временный орган (комитет, совет и т.п.), который бы взял на себя функции по управлению страной, подготовке и проведению выборов. Последнее предложение означало, что Наджибулла и его правительство добровольно отказываются от власти. Но это не означало, что ликвидируются все общественно-политические структуры прежнего режима и отстраняются от участия в афганском урегулировании все лица, связанные с тем режимом. Следует отметить, что многие из приведенных выше предложений кабульского правительства в той или иной форме вошли в план ООН по мирному решению афганской проблемы. Его разработкой и согласованием позиций между заинтересованными сторонами в Нью-Йорке, Исламабаде, Тегеране, Москве и Кабуле все эти годы после вывода советских войск активно занимался специальный представитель генерального секретаря ООН Бенон Севан. Афганская вооруженная оппозиция, действуя в духе своей непримиримости к «коммунистическому» режиму в Кабуле и под давлением своих региональных и заокеанского хозяев, категорически отвергла и перечисленные выше мирные инициативы афганского правительства, и усилия в этом направлении специального представителя генерального секретаря ООН. В конце 1990 – начале 1991 г. «альянс семи» потребовал в качестве предварительного условия прекращения войны полную капитуляцию режима Наджибуллы и безоговорочную передачу власти сформированному в Пешаваре временному правительству из числа моджахедов, а затем проведения всеобщих выборов в Афганистане под наблюдением 100 независимых иностранных наблюдателей, созыва Лоя джирги и сформирования постоянного исламского правительства. Другими словами, «альянс семи», как и прежде, мыслил будущий Афганистан сугубо исламистским и не оставлял никакого места для демократических и либеральных элементов в будущем общественно–политическом устройстве страны.

По прошествии года с момента окончания вывода советских войск из Афганистана становилось совершенно очевидным, что левый кабульский режим вполне в состоянии защитить себя своими собственными силами. Но чтобы и далее демонстрировать свою военную силу и боевое преимущество и давать достойный отпор вооруженной до зубов непримиримой оппозиции, он остро нуждался в постоянных военных поставках. Как известно, у Кабула единственным источником таких поставок оставался Советский Союз. В связи с этим Наджибулла в конце 1989 г. обратился к Москве с просьбой о военной помощи. Вскоре советское руководство дало согласие на поставку Афганистану в 1990 году огромного арсенала вооружения и имущества, в частности 150 ракет к ракетному комплексу Р–17, 2 пусковых установок ракетного комплекса «Луна–М», 380 танков, 865 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, 195 орудий и минометов, 680 зенитных пушек и установок, 1000 реактивных огнеметов, около 96 тыс. едини стрелкового вооружения, 54 самолетов, 6 вертолетов, боеприпасов, инженерной техники, транспорта и связи, более 1500 парашютно-грузовых систем многоразового использования, имущества тыла и другого имущества всего на сумму около 1,5 миллиарда рублей [54]. Практическое осуществление данного обещания совпало по времени с бешеной критикой бывшего советского руководства по афганскому вопросу, развернутой в рамках Съезда народных депутатов СССР, и с дальнейшим обострением внутренней ситуации в Советском Союзе. Горбачевская верхушка потеряла интерес к Афганистану и судьбе режима Наджибуллы. В феврале 1990 г. было принято решение о прекращении работы Комиссии политбюро ЦК КПСС по Афганистану.

Некоторые подвижки по афганскому вопросу наметились и в Вашингтоне. В начале 1990 г. там стали осознавать, что новые советские военные поставки кабульскому режиму и его солидный военно-политический потенциал делают быструю военную победу над ним афганских моджахедов весьма проблематичной. В связи с этим в политике США на афганском направлении появился еще одни вариант плана (эта инициатива принадлежала госсекретарю США Дж. Бейкеру), согласно которому признавалась воз-

можность участия Наджибуллы и его людей в афганском политическом урегулировании, вплоть до того, что сам Наджибулла, выйдя в отставку, сможет баллотироваться на президентских выборах, наряду с кандидатами от оппозиции [55]. При этом следует еще раз оговориться, что в правящей верхушке США при всех зигзагах их внешней политики никогда не снимался вопрос о силовом решении афганского вопроса и удушении «коммунистического» режима Наджибуллы.

Ситуацию внутри и вокруг Афганистана коренным образом изменили августовские события 1991 г. в СССР и действия новоявленных российских «демократов», набиравших при содействии властей политические козыри на околоафганской истерии, очернительстве всего советского и самобичевании. Удар ниже пояса был нанесен Афганистану в сентябре 1991 г., когда советский лидер М.С. Горбачев, раболепствуя перед Западом и наживая себе в глазах мировой общественности сомнительные лавры творца нового политического мышления, договорился с США о прекращении поставок оружия противоборствующим сторонам в Афганистане с 1 января 1992 г. На первый взгляд могло показаться, что Москва и Вашингтон, озабоченные проблемой разблокирования афганского конфликта, наконец–то, прислушались к предложению президента Наджибуллы, высказанному им по этому поводу еще в 1989 году. На деле же все обстояло иначе. Наджибулла, как известно, предлагал всем странам (подчеркнуто мною. – М.С.) прекратить военные поставки воюющим в Афганистане сторонам. В советско-американских же договоренностях речь шла только о двух странах-поставщиках оружия – СССР и США. В данном контексте в проигрыше оказывался лишь Кабул, для которого, повторимся, СССР являлся единственным источником получения оружия и боеприпасов. Что касается другой воюющей стороны в Афганистане – моджахедов, то они при этом ничего или почти ничего не теряли, так как их основные поставщики (Китай, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия, Египет, Израиль и пр.) оставались вне рамок советско-американского сговора. Таким образом, если разбираться по большому счету, Горбачев, отказавшись поставлять Кабулу оружие, совершил по отношению к нему не что иное, как откровенный акт предательства, следствием которого явился, в конце концов, приход к власти в Афганистане сил оголтелого религиозного экстремизма.

Свою лепту в крушение левого кабульского режима внесло и ельцинское руководство. В ноябре 1991 г. от имени российского президента в Москву была приглашена делегация афганских моджахедов во главе с Б. Раббани. В самом факте ее приглашения, как представляется, не было ничего предосудительного. Любые контакты и переговоры с обеими враждующими сторонами с целью восстановления мира на афганской земле являлись не просто оправданными, но и крайне необходимыми. Главное состояло в том, чтобы найти достойный и единственно правильный путь решения проблемы, который удовлетворил бы все завязанные в афганском конфликте силы и обеспечил бы демократическое будущее Афганистана. Однако новые российские лидеры, как, впрочем, и Горбачев, выбрали иной путь – путь безоговорочной «сдачи» Наджибуллы и подыгрывания группировкам исламских фундаменталистов. Как явствовало из сообщений печати, вице-президент А. Руцкой, выступавший в ходе бесед с афганской делегацией в качестве главного переговорщика от России, заявил, ничтоже сумняшеся, что «нынешнее руководство России не несет ответственности за советское вторжение в Афганистане», и пообещал Б. Раббани, что «окажет давление на правительство СССР с тем, чтобы всякое вмешательство во внутренние дела Афганистана и поддержка марионеточного режима Наджиба были прекращены» [56].

Тем временем специальный представитель генерального секретаря ООН Б. Севан не оставлял попыток найти мирное решение афганской проблемы. Одной из таких попыток должно было стать проведение в апреле 1992 г. в Женеве или Вене конференции примерно 150 представителей всех афганских сторон и слоев населения – политиков, интеллектуалов, религиозных деятелей, военных, вождей и старейшин племен и этнических групп. В этой конференции предусматривалось участие и представителей правительства Наджибуллы. Цель конференции – сформирование переходного правительства нацио-

нального согласия, которому в будущем предстояло подготовить и провести всеобщие выборы. Уместно заметить, что Б. Севан, проводя в ту пору консультации со всеми силами, причастными к афганскому конфликту, допускал мысль оставить непримиримую фундаменталистскую оппозицию за бортом переговоров, так как она уже не представляла, по существу, большинство афганцев [57].

Думается, что данный сценарий ООН вполне мог бы быть осуществимым при доброй воле всех заинтересованных в мире сторон. Однако судьба распорядилась иначе. После распада СССР руководство России во главе с Б.Н. Ельциным поспешило прекратить не только военные поставки правительству Наджибуллы, но и оказание ему любой гуманитарной помощи, в том числе и продовольственной. Жизнь населения Афганистана, прежде всего его городских центров, была поставлена на грань голодной смерти. В стране остро стала ощущаться нехватка топлива и товаров первой необходимости. В широких слоях населения росло недовольство властями. В сложившейся ситуации президент Наджибулла имел все основания и полное моральное право назвать бывших советских друзей («шоурави») предателями, что он и сделал 12 апреля 1992 г. в беседе с генерал-майором В.В. Лагошиным, одним из семи последних военных советников, покидавших на следующий день по его (Наджибуллы) совету осажденный моджахедами Кабул [58].

Лишение правительства Наджибуллы военной и гуманитарной помощи предопределило и ускорило его агонию и бесславную капитуляцию. С этого момента события в Афганистане, окрашенные по преимуществу в этнонациональные тона, развивались стремительно и неумолимо:

– к марту 1992 г. из-под контроля Кабула вышел весь север страны в результате опрометчивых мер Наджибуллы поставить пуштунов во главе войск, дислоцированных к северу от Гиндукуша, а также на ключевые посты в провинциальных администрациях севера;
– массовый характер приняли дезертирство и неподчинение командирам в правительственных войсках, укомплектованных, как правило, представителями национальных меньшинств;
– вооруженная оппозиция, пользуясь деморализацией и развалом правительственной армии, занимала один город за другим – Газни, Калайи–Нау, Файзабад, Герат, а затем в апреле Джалалабад, Мехтарлам, Гардез, Кандагар;
– 8 апреля генерал-полковник афганской армии А.Р. Дустом (узбек) и полевой командир Ахмад Шах Масуд (таджик) создали независимое правительство Северного Афганистана в г. Мазари-Шарифе;
– во второй декаде апреля до предела обострились разногласия и раздоры в непосредственном окружении Наджибуллы, завершившиеся созданием оппозиционного ему так называемого «Временного военного совета» во главе с министром иностранных дел Абдул Вакилем. Совет потребовал отставки Наджибуллы, объявив его главным препятствием на пути афганского урегулирования в рамках плана ООН (чуть позже А. Вакиль назвал президента «диктатором», который-де служил препятствием к договоренности с «братьями-моджахедами»). Деятельность Партии Отечества и госаппарата была фактически парализована;
– 13 апреля Наджибулла заявил о своей готовности в конце апреля передать власть переходному правительству. Начался массовый переход регулярных войск во главе с генералами и старшими офицерами на сторону моджахедов;
– 15 апреля Ахмад Шах Масуд захватил крупнейшую базу ВВС в Баграме (в 57 км к северу от столицы);
– 16 апреля Наджибулла по совету и при содействии специального представителя генерального секретаря ООН Б. Севана попытался бежать из Кабула на ооновском самолете, но был задержан по призыву А. Вакиля узбекскими ополченцами А.Р. Дустома. Наджибулла вместе со своим братом Ахмадзаем и некоторыми из своих ближайших сподвижников укрылся в миссии ООН в Кабуле. Функции президента страны временно взяли на себя четыре вице-президента РА – А.Р. Хатеф, М. Рафи, А.Х.

Мохтат и А.В. Сораби. Политическое руководство фактически оказалось в руках группы лиц во главе с А. Вакилем;

– 24 апреля 10 оппозиционных группировок моджахедов сформировали в Пешаваре Совет джихада (законодательный орган) из 50 человек и переходное правительство;
– 25 апреля 20 тысяч «воинов джихада» вошли в Кабул, не встретив сопротивления, и взяли под контроль президентский дворец, министерства, армейские казармы, полицейские участки, улицы и площади. Город и его пригороды были поделены между различными группировками моджахедов: северо-западная и центральная часть города вместе с президентским дворцом оказались в руках А.Ш. Масуда, юго-запад столицы – шиитской Партии исламского единства Афганистана («Вахдат»), район столичного аэропорта – отрядов генерала А.Р. Дустома и южные пригороды Кабула – в руках Г. Хекматьяра. Между ними сразу же начались ожесточенные вооруженные столкновения, прежде всего между отрядами А.Ш. Масуда и Г. Хекматьяра;
– 28 апреля, после прибытия из Пешавара в Кабул правительства моджахедов во главе с С. Моджаддеди, состоялась официальная церемония «мирной» передачи власти в присутствии некоторых деятелей прежнего режима: премьер-министра Ф.Х. Халекьяра, министра иностранных дел А.Вакиля, заместителя премьер-министра А.В.Сораби, первого заместителя министра обороны генерал-полковника Наби Азими, а также генералов Нур-уль-Хака Олуми, Делавара и др. Страна стала называться «Исламское Государство Афганистан». Первым указом Совета джихада явилось распоряжение, запрещающее женщинам одеваться в западные одежды и предписывающее им носить только традиционные шаровары и чадру [59].

Итак, режим Наджибуллы пал. Афганское урегулирование по сценарию ООН не состоялось, хотя для многих он представлялся наиболее разумным и перспективным. К власти в стране пришло исламское правительство. Через два месяца, 28 июня, истек срок временных президентских полномочий С. Моджаддеди, представителя умеренного, традиционалистского крыла моджахедов. Он, в соответствии с решением «альянса», передал власть второму временному президенту, «умеренному» фундаменталисту Б.Раббани. Однако мир не пришел на афганскую землю. Уже к концу этого месяца, как признавал и.о. председателя Верховного суда ИГА Бари, новые власти оказались не в состоянии обеспечить мир и безопасность не только в стране, но и в самой афганской столице [60]. Кровавые разборки за власть между «борцами за веру» захлестнули буквально все города и сельскую периферию. Такого кровопролития и кошмара не знали все годы гражданской войны в Афганистане. На этом фоне недавний левый режим предстал в глазах большинства афганцев как лучшая и наиболее предпочтительная для них власть. Отсюда не случайно, что новая волна беженцев из Кабула покидала столицу со словами: «Да здравствует Наджибулла !» [61].

С приходом в Кабуле к власти моджахедов единое афганское государство перестало существовать. Страна распалась на отдельные уделы, в которых правили те или иные военно-политические группировки и полевые командиры. Кардинально изменились и мотивы гражданской войны: она перешла из сферы идеолого-политического противоборства, которое сохранялось до 1992 г., в русло более ожесточенных межэтнических и межконфессиональных сражений. Положение в Афганистане еще больше усугубилось после того, как в 1996 году власть в Кабуле и на большей части территории страны оказалась в руках экстремистского движения «Талибан», вскормленного, обученного и вооруженного спецслужбами Пакистана, Саудовской Аравии и США. Первым делом озверевшие от крови талибы казнили в лучших традициях средневековой инквизиции бывшего президента Наджибуллу и его брата.

Талибовский Афганистан, вопреки геополитическим и идеологическим надеждам и расчетам его региональных и заокеанского покровителей и доноров, уже вскоре вышел из-под их контроля и превратился в базу и рассадник международного терроризма. Под угрозу были поставлены мир и безопасность стран и народов не только обширного центральноазиатского региона, но и далеко за его пределами. К сожалению, осознание всей

масштабности этой угрозы произошло слишком поздно, лишь после трагических событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. И снова, как 20 лет назад, проблема афганского урегулирования встала перед мировым сообществом как одна из актуальных, глобально значимых и не терпящих отлагательства проблем.

Чтобы урегулирование афганской проблемы состоялось, необходимо учесть ее печальный опыт. Причины провала всех усилий по политическому урегулированию положения внутри и вокруг Афганистана, предпринимавшихся в течение 10 лет с 1982 по 1992 г., многогранны и кроются как во внешних и внутренних особенностях афганской истории, так и во множестве объективных и субъективных факторов афганского конфликта. Однако определяющими среди них все же явились внешние факторы. Прежде всего, это – политика и практика правящих кругов Запада, особенно США, и консервативных исламских режимов региона на афганском направлении. Они, вместе взятые, несут главную ответственность за затяжку и ужесточение афганского конфликта, за срыв дипломатического процесса по политическому урегулированию положения внутри и вокруг Афганистана. Указанные противники левого кабульского правительства, ослепленные навязчивой идеей «крестового похода» против мирового коммунизма и будучи не в состоянии немного заглянуть вперед, делали все возможное для того, чтобы с корнем вырвать в Афганистане «левую заразу», а заодно и слабые ростки демократии, появившиеся в общественно–политической жизни страны при режимах Б.Кармаля и Наджибуллы. Ставка делалась исключительно на военную силу, на использование в борьбе против «красного» Кабула воинствующих, экстремистских, антидемократических элементов и группировок. При этом заносчивых заокеанских политиков, как это ни странно, до поры до времени не смущала антизападная риторика главарей афганских фундаменталистов. В полном соответствии с данной стратегией, всячески блокировались любые мирные инициативы по урегулированию афганской проблемы, включая и те, что предпринимались по линии ООН. Кроме того, и это следует особо выделить, США и Пакистан, подписавшие женевские соглашения по Афганистану, грубо попрали все взятые на себя обязательства и предстали перед мировой общественностью как злостные нарушители норм международного права, как страны, с которыми вряд ли можно с уверенностью строить на перспективу договорные отношения.

Не на высоте положения в разрешении афганского конфликта оказалась и Москва. Выступая с начала ввода войск в Афганистан с конструктивными по существу, мирными инициативами, она не смогла (а, может быть, и не захотела) подкрепить их убедительной демонстрацией своей военной силы и своего подавляющего боевого превосходства над моджахедами на поле брани и таким образом выбить главный козырь из рук вооруженной оппозиции – уверенность в военной победе над своим противником.

Исключительно пагубную, весьма неприглядную роль в афганском урегулировании на его конечном этапе сыграла горбачевско-ельцинская камарилья. Она, лишив Кабул в одностороннем порядке военной и гуманитарной помощи, подло предала режим Наджибуллы и продлила на многие годы не только афганскую трагедию, но и своим предательством открыла дорогу для экспансии религиозных экстремистов в центральноазиатские страны. Был в Афганистане, к сожалению, и еще один уровень предательства – армейский. Советские военачальники – «афганцы» любят, при случае, подчеркивать, что в Афганистане их нередко «подставляли» политики. Не сомневаюсь, поводов и причин судить так у них было предостаточно. Но истины ради надо сказать, что и сами советские генералы, требуя безоглядного и быстрого вывода войск из Афганистана и не заботясь одновременно о создании требуемого «запаса прочности» для кабульского режима, этим самым подставляли и Наджибуллу, и своих боевых друзей в афганской армии и бесцеремонно нарушали святое святых для любого военного человека – фронтовое братство. Оставлять в беде, на растерзание врагу своего боевого товарища, каким бы плохим он ни казался, – это верх бесчестья и подлости. Даже циничные по натуре американские политики, к примеру, не позволяют себе ничего подобного в аналогичных ситуациях. Как в этой связи не вспомнить слова одного американского президента, сказанные им по

адресу центральноамериканского диктатора Сомосы: «Сомоса, конечно, сукин сын, но это – наш сукин сын».

Стоит еще раз подчеркнуть, что президент Наджибулла, как и режим, который он олицетворял, заслуживают гораздо лучшего к ним отношения. Лично Наджибулла порой был жестким политиком, но никогда не был ни диктатором, ни тираном или узурпатором. За ним и его режимом стояли миллионы афганцев и не только из числа единомышленников, но и тех, кто, придерживаясь иной политической ориентации, не видел другой альтернативы леводемократическому режиму. Конечно, у режима Наджибуллы было много слабостей – объективных и субъективных, снижавших его способность управлять страной и защищаться. Однако, несмотря на все это, указанный режим, опираясь на свою солидную социальную и военную силу, мог вполне сыграть позитивную роль в урегулировании афганской проблемы, в создании коалиционных основ власти и обеспечении будущего демократического развития своей страны, если бы была сохранена помощь и поддержка Афганистану со стороны СССР, а затем России. Оставшись один на один в борьбе с внутренними, региональными и заморскими противниками, левый кабульский режим оказался обреченным.

Рассматривая проблему афганского урегулирования в историческом аспекте, нельзя не обратить внимание на то, что политологические центры Запада, его средства массовой информации за последние десятилетия много сделали для того, чтобы исказить представление о сути и характере событий внутри и вокруг Афганистана. Левый кабульский режим, которому незаслуженно был приклеен ярлык «коммунистический», ими облыжно характеризовался как «антинациональный, антинародный, антиисламский». В то же время фундаменталистская оппозиция всячески идеализировалась и представлялась мировой общественности как подлинно национально–патриотическая сила, пользующаяся–де абсолютной поддержкой афганских мусульман. Самое удивительное состояло, пожалуй, в том, что западные СМИ, кичащиеся своей свободой и независимостью, сознательно скрывали экстремистские, антидемократические взгляды и деяния исламских фундаменталистов, их призывы к использованию военной силы с целью насильственного свержения всех, по их понятиям, «неисламских» правящих режимов, а также оправдывали «военной необходимостью» массовый террор и насилия «борцов за веру» по отношению к мирному населению. Терроризм, как явление, был замечен лишь тогда, когда он пришел в их, западный, дом.

С разгромом движения «Талибан» и приведением к власти в Кабуле правительства Хамида Карзая снова на круги своя возвратилась проблема внутриафганского урегулирования. Как представляется, с учетом накопленного за последние десятилетия опыта наиболее перспективным и предпочтительным путем решения этой проблемы может стать не реализованный в свое время по ряду причин план ООН, который предусматривал участие всех национально-патриотических, консервативно-клерикальных, либеральных и демократических сил, а также влиятельных этнонациональных лидеров и религиозных авторитетов в процессе умиротворения Афганистана и создания его по–настоящему демократических государственных и общественно-политических институтов. Хочется надеяться, что долгожданный мир придет и на афганскую землю, и Афганистан вернет себе демократический вектор развития и перестанет быть дестабилизирующим фактором в регионе и мире.

Примечания

1. Уже 14 января 1980 г. «афганский вопрос» был вынесен на обсуждение 6-й чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а 25–28 января – чрезвычайной встречи в Исламабаде министров иностранных дел стран Организации Исламская Конференция.
2. Корниенко Г.М. Как принимались решения о вводе советских войск в Афганистан и их выводе // Новая и новейшая история. – 1993. – № 3. – С. 112. По свидетельству специального корреспондента «Красной звезды» полковника А.Олийника, в оперативном управлении Генштаба хранится заслуживающий доверия документ, согласно которому вопрос о выводе советских войск встал на политбюро

ЦК КПСС по личной инициативе Л.И.Брежнева еще в январе 1980 г. Однако тогда было признано нецелесообразным выводить советские войска. – См. об этом: Красная звезда. – 1992, 25 декабря.

3. См. об этом: Babrak Karmal Greets Afghan Nation. 6.10.1358 (27 Dec. 1979) // Democratic Republic of Afghanistan Annual. Jaddi 6, 1358 – Hoot, 1359. – Kabul: Government Printing Press, 1980. – P. 12–13.
4. Karmal message to Khomeini // Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 337–340, 768.
5. Кармаль Б. Выступление по случаю Нового 1359 года. 29 хута 1358 г. х. (19 марта 1980 г.) // Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа. Сборник выступлений и статей (1358–1359). – Кабул: Б.и., 1362 (1983). – С. 46. – На языке дари (дар рах–е хакемият–е халк).
6. PDPA Central Committee Theses on the Second Anniversary of the Saur Revolution // White Book. Foreign Policy of the Democratic Republic of Afghanistan. 3–rd revised edition. – Kabul: DRA Ministry of Foreign Affairs Information and Archives Department, 1982. – P. 10.
7. The Speech of Babrak Karmal on the Occasion of the Second Anniversary of the Saur Revolution // Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P. 61.
8. Statement of the DRA Government. May 14,1980 // White Book. 1982. – P. 48–49. Далее ссылки даются на данный документ.
9. Achievements of the April Revolution in Afghanistan. – Kabul: Information and Press Department DRA Ministry of Foreign Affairs, 1984. – P. 102.
10. Statement of the DRA Government. August 24, 1981 // White Book. 1982. – P. 53–54. Далее ссылки даются на данный документ.
11. Seventh Conference of Heads of State or Government of Non–Aligned Countries. New Delhi. March 1983. Final Documents // Strategic Digest. – New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, May 1983. – P. 288; Eighth Conference of Heads of State or Government of Non–Aligned Countries. Documents. – Havana, August – September, 1986. – Section XIV.
12. См. напр.: The Situation in Afghanistan and its impications for international peace and security // Resolutions adopted by the United Nations General Assembly 14 January 1980, 20 November 1980, 18 November 1981, 20 November 1982, 23 November 1983, 15 November 1984, 13 November 1985, 5 November 1986, 23 October 1987.
13. Resolutions on Afghanistan adopted January 28, 1980, at the extraordinary meeting of the Foreign Ministers of the Islamic Conference // New York Times. – 1980, January 30. – P. 413.
14. United Nations General Assembly. Resolution 36/34, 18 November 1981. The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security. – P. 14–15.
15. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан: проблема беженцев // Культура народов Причерноморья. № 24. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2001. – С. 229–243.
16. Из депеши временного поверенного ДРА в Исламабаде Шарифа Фулада от 25 июня 1983 г. по поводу позиции Пакистана на женевских переговорах (из личного архива М.С.).
17. Хекматьяр Г. Политическое решение проблемы Афганистана. – Тегеран: Б.и., 1983. – С. 17 и 57. – На языке дари (халл–е казийя–йе Афганестан).
18. Раббани Б. Путь решения проблемы Афганистана. – Тегеран: Комитет по культуре центрального бюро Исламского общества Афганситана, 1983. – С. 18. – На языке дари (рах-е халл-е масале-йе Афганестан).
19. Там же, с. 14–21. Следует отдать должное «умеренному» фундаменталисту Б. Раббани в том, что спустя 20 лет он заметно отошел от своего былого радикализма. В частности, в одном из своих интервью в апреле 2002 г. он высказался в пользу создания в Афганистане демократического государства, независимо от того, «каким оно будет по строю: религиозным или светским», и, более того, признал необходимым участие в строительстве такого государства «сыновей коммуниста Бабрака Кармаля». – См.: Известия. – 2002, 16 апреля.
20. Харрисон, Селиг. Неудавшийся мир в Афганистане // Бюллетень политической информации ТАСС. – 1989, 7 февраля. – № 27. – С. 17.
21. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан: проблема беженцев. – С. 229–243.
22. New York Times. – 1983, May 4.
23. Washington Post. – 1983, December 30.
24. Statement by Shah Mohammad Dost to the Bakhtar Information Agency. February 19, 1985 // White Book. Foreign Policy Documents of the Democratic Republic of Afghanistan. – Kabul: DRA Ministry of Foreign Affairs Information and Archives Department, 1985. – P. 124–125.
25. Корниенко Г.М. Как принимались решения о вводе советских войск в Афганистан и их выводе. – С. 112.
26. Там же.
27. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан: уроки информационной войны // Культура народов Причерноморья. – № 15. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2000. – С. 82–95.
28. Корниенко Г.М. Как принимались решения о вводе советских войск в Афганистан и их выводе. – С. 113.
29. Там же, с. 114.
30. Там же.

31. Address to the Opposing side. A Television Speech // Najibullah. Afghanistan: Taking the Path of Reconciliation. A Collection of Speeches. – Kabul: Government Committee of Press and Publication, 1988. – P. 79.
32. Информация Центральной избирательной комиссии по выборам в Национальный совет Республики Афганистан (из личного архива М.С.).
33. Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению. 18–20 октября 1987 г. – Кабул, 1987. – С. 49, 148.
34. Там же.
35. Анис. – 1987, 14 сентября; Хакикат–е энкелаб–е саур. – 1987, 2 декабря.
36. См. об этом: Корниенко Г.М. Как принимались решения о вводе советских войск в Афганистан и их выводе. – С. 115.
37. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева по Афганистану // ТАСС. – 1988, 9 февраля.
38. Там же; Заявление Наджибуллы // ТАСС. – 1988, 9 февраля. Здесь и далее ссылки даются на указанные Заявления.
39. Информация ТАСС (Исламабад). – 1988, 24 февраля.
40. Двустороннее соглашение между Республикой Афганистан и Исламской Республикой Пакистан о принципах взаимоотношений и, в частности, о невмешательстве и об отказе от интервенции // Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. (краткий очерк). – М., 2000. – С. 62.
41. Там же, с. 61–63, 68.
42. Война продолжается… // Азия и Африка сегодня. – 1993. – № 6 (432). – С. 3.
43. Time. – 1988, May 30.
44. Красная звезда. – 1989, 10 февраля.
45. Правда. – 1998, 29 мая. Как пишет генерал М.А. Гареев, в течение января–февраля 1989 г. в Афганистан с территории Пакистана было переброшено около 20 тысяч вооруженных мятежников. – См. об этом: Гареев М.А. Афганская страда (с советскими войсками и без них). – М.: ИНСАН, РФК, 1999. – С. 86.
46. По данным ЦРУ, через тренировочные лагеря «Аль-Каиды» в Афганистане за 1988–2001 гг. прошло от 25 до 100 тыс. рекрутов. – См. об этом: Независимое военное обозрение. – 2002. – № 24. – С. 2.
47. См. об этом: Харрисон С. Неудавшийся мир в Афганистане. – С. 17–20.
48. Там же, с. 18. О Б. Раббани см. подробнее: Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.). – Симферополь, 1999. – С. 275–280.
49. Харрисон С. Неудавшийся мир в Афганистане. – С. 18.
50. Правда. – 1989, 15 мая. После вывода советских войск из Афганистана военная помощь США афганским моджахедам возросла с 800 млн. долларов в 1988 г. до 1,2 млрд. долларов в 1989 г. – См.: Гареев М.А. Афганская страда. – С. 156.
51. Небезынтересная деталь: 17 февраля 1989 г., то есть за две недели до начала штурма Джалалабада, «шура» (совет) лидеров «альянса семи», базировавшегося в Пакистане, и представители восьми военных группировок, действовавших с территории Ирана, попытались создать «переходное правительство», которое заменило бы режим Наджибуллы. Однако уже на первом заседании, когда речь зашла о персональном составе этого правительства, затея провалилась. Как сказал одни из афганских полевых командиров по этому поводу, «нельзя создать коалицию из злейших врагов». – См. об этом: Without a Look Back // Time. – 1989, February 20. – № 8. – P. 9. Некоторое время спустя, под давлением пакистанских спецслужб и США такое правительство все же было сформировано: президентом стал С. Моджаддеди, премьер-министром – А.Р. Сайяф и министром иностранных дел – Г. Хекматьяр.
52. Правда. – 1989, 26 апреля и 15 мая.
53. См. об этом подробнее: Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. – С. 40–42.
54. Красная звезда. – 1992, 10 июля. Несколько отличные от этого данные приводит генерал М.А. Гареев. По его словам, в 1990 году предусматривалось поставить в Афганистн военного имущества на сумму 2,2 млрд. рублей (6 млн. ежедневно), в том числе: ракетных комплексов «Луна–М» – 2, танков – 380, боевых машин пехоты – 211, бронетранспортеров – 651, реактивных систем – 50, орудий и минометов – 114, гранатометов – 820, огнеметов – 1000, стрелкового оружия – 95,4 тыс., зенитных пушек и установок – 680, самолетов – 66, вертолетов – 37, артиллерийских боеприпасов и мин – 1938 тыс., авиабомб – 82,3 тыс. Фактически было поставлено на сумму около 1 млрд. рублей. – См. об этом: Гареев М.А. Афганская страда. – С. 259.
55. См. об этом подробнее: Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. – С. 44–46.
56. Новое время. – 1991. – № 47. – С. 17.
57. Новое время. – 1992. – № 14. – С. 27.
58. См. об этом: Ляховский А. Пламя Афгана. – М.: Вагриус, 1999. – С. 539–540.
59. Известия. – 1992, 30 апреля; Эхо планеты. – 1992. – № 18. – С. 4–9; Новое время. – 1992. – № 35. – С. 20–23.
60. Новое время. – 1992. – № 35. – С. 23.
61. Правда. – 1993, 13 февраля.